

СТАТЬИ

Н. П. Генералова

ПОЭЗИЯ И ПРАВДА АФНАСИЯ ФЕТА

Когда-то Гёте, задумав написать автобиографию, послушался совета своего секретаря Римера и назвал ее «Правда и поэзия» («Wahrheit und Dichtung»). Однако Поэзия взяла верх и «исправила» первоначальный вариант Римера на «Dichtung und Wahrheit» («Поэзия и правда»). Причина была очевидной: ухо поэта покорило соседство двух «d».¹ Под таким названием и вышел в свет в 1831 году первый том автобиографии, начатый еще в 1811-м, но этот первый том, над которым поэт трудился двадцать лет, оказался последним. Автобиография великого немца прервалась на 1775 годе. И хотя после смерти поэта издатели вернули книге первоначальное заглавие, Поэзия еще раз одержала верх над Правдой и в конце концов в сознании читателей раз и навсегда закрепилось всем известное: «Поэзия и правда: из моей жизни» («Dichtung und Wahrheit: aus meinem Leben»). Признаемся, что в данном случае нам бы хотелось внести в русский перевод одну поправку, а именно написать слово «правда» с прописной буквы, сделав, вопреки правилам, невозможную кальку с немецкого.

В самом деле, заглавие, предложенное Римером, оказалось исключительно емким, допускающим множество толкований. Wahrheit — слово многозначное. Это и правда, и истина, и действительность. Так что можно было бы перевести иначе: «Поэзия и действительность», «Вымысел и правда» и даже — «Поэзия и жизнь». Недаром Л. Н. Тол-

¹ См.: *Гёте И.-В.* Поэзия и правда: Из моей жизни / Пер. Н. А. Холодковского, предисл. и науч. коммент. Е. М. Браудо. Пг., 1923. С. 175. Ф. В. Ример (Riemer; 1774–1845), библиотекарь, педагог, усердно занимавшийся классической филологией, в доме Гёте оказался в 1803 г. и сначала обучал сына поэта Августа, а с 1814 г. исполнял обязанности секретаря. Именно Римеру и И. П. Эккерману Гёте завещал издать подготовленное им собрание своих сочинений.

стой, не раз перечитывавший Гёте, по поводу «Поэзии и правды» заметил: «Вымысел, поэзия и действительность — нехорошо».² Но в любом переводе очевидно противопоставление двух сфер — поэзии (и шире — искусства) и реальной жизни.

По-своему Толстой был прав: Гёте оставлял за собой право на вымысел, то есть на собственное осмысление фактов своей биографии, что, казалось бы, не должно удивлять и «по определению» присуще любому автобиографическому повествованию. Вот как он сформулировал задачу предпринятого им «сугубо рискованного предприятия». Скрывшись за спиной сочиненного им самим письма безымянного друга, Гёте поставил целью «составить представление» об авторе вышедшего 12-томного собрания сочинений и о его таланте, то есть о себе. «...Читая отдельные произведения, — писал безымянный друг, — нельзя не отметить, что почти все они обязаны своим возникновением тому или иному поводу и в каждом из них отчетливо видны определенные внешние обстоятельства, равно как и ступени внутреннего развития автора, а также моральные и эстетические максимы и взгляды, порожденные духом времени».³ Итак, «безымянный друг» просил автора раскрыть тайны его творчества, самому прокомментировать свои произведения, причем выстроить их в хронологическом порядке. И Гёте с готовностью «откликнулся» на эту просьбу.

Когда в конце жизни Фет решил написать собственные воспоминания, он перед собой подобной задачи не ставил. Напротив, откликаясь в предисловии к отдельному изданию 1890 года на возникшие у читателей вопросы, он писал: «При первом их (воспоминаний. — *Н. Г.*) появлении кругом меня раздались вопросы, — не будут ли они последовательным раскрытием тайников, из которых появлялись мои стихотворения?».⁴ И решительно отказывался отвечать на подобные вопросы. А по поводу хронологии прямо писал: «Находясь, можно сказать, в природной вражде с хронологией, я буду выставлять годы событий только для соблюдения известной последовательности, нимало не отвечая за точность указаний, в которых руководствуюсь более соображением, чем памятью».⁵ Решившись в 1887 году приступить к диктовке своих мемуаров, Фет назвал и главную причину задуманного труда: болезнь глаз и надвигающуюся слепоту, лишавшие его возможности полноценно заниматься переводами, которым, начиная с конца 1870-х го-

² ЛН. Т. 90. Кн. 2. С. 228. О расхождении в понимании «поэзии» и «правды» у Толстого и Гёте см.: Чавчанидзе Д. Л. «Поэзия и правда» Гёте — произведение эпохи романтизма // Гётевские чтения. 1984. М., 1986. С. 39—56.

³ Гёте И.-В. Собр. соч.: В 10 т. М., 1976. С. 9. Пер. Н. Ман.

⁴ МВ. Ч. 1. С. IV.

⁵ Там же. С. 1.

дов, поэт отдавал значительную часть своего времени. Вместе с тем он четко сформулировал свою задачу: «Я решился диктовать свои воспоминания в их совокупности не с целью их обнародования, хотя бы после моей смерти, а только чтобы сознательно снова пройти тот жизненный лабиринт, который пришлось проходить в неведении следующего дня».⁶

Любопытно, что в письмах к разным корреспондентам Фет называл свои воспоминания «автобиографией» и настаивал на том, что не заботится о том, будет ли она когда-либо напечатана. Так, 1 января 1888 года он писал старинному другу Я. П. Полонскому: «По болезни глаз ищущ спасения в перелистывании собственной жизни, нимало не заботясь о времени появления автобиографии, которая, быть может, появится после моей смерти, если не погибнет».⁷ Как известно, «автобиография» Фета не погибла, более того, первая и вторая части мемуаров под названием «Мои воспоминания» были напечатаны при жизни поэта, в 1890 году. Лишь третья часть, под заглавием «Ранние годы моей жизни», где Фет возвращался к начальному периоду своей биографии, увидела свет в 1893 году, когда поэта уже не было в живых. Но в отличие от Гёте, успевшего дойти в своих воспоминаниях лишь до 1775 года, Фет успел «перелистать собственную жизнь» до конца.

Сопоставление «Поэзии и правды» Гёте и воспоминаний Фета само по себе может оказаться весьма плодотворным хотя бы потому, что перед нами уникальные автобиографические документы двух великих поэтов, подводивших жизненные итоги. Как будто не доверяя будущим биографам, оба старались обозреть «лабиринт» своего жизненного пути и осознать свое назначение. Подобное сопоставление тем более интересно, что, как было замечено еще Ап. Григорьевым, «самобытный» талант Фета образовался «только под влиянием классических образцов и преимущественно под влиянием Гёте».⁸ Недаром с первых поэтических опытов Фет уделял немало времени переводам его произведений. Со временем их число только росло. Венцом фетовского гё-

⁶ Фет А. Из моих воспоминаний // *РВ*. 1888. Т. 197. № 8. С. 3.

⁷ Фет/Полонский. С. 620. 12 февраля того же года Фет писал великому князю Константину Константиновичу: «Я, кажется, говорил Вашему Высочеству, что диктую свою автобиографию» (Фет/К. Р. С. 670).

⁸ *ОЗ*. 1850. Т. 68. № 2. С. 53. «Не Гейне, но Гёте преимущественно воспитал поэзию г. Фета; — писал Григорьев, — влиянию великого старого учителя обязан понятливый ученик и внутренним достоинством, и замечательным успехом своих стихотворений и, наконец, самую изолированность своего места в русской литературе. Достоинство или недостаток эта изолированность, во всяком случае она может быть уделом яркого и замечательного дарования и составляет прямой результат проникновения ученика духом учителя, как бы исполнения его завета...» (Там же. С. 55).

теанства стал, как известно, полный перевод обеих частей «Фауста» с подробными комментариями, увидевший свет в 1882–1883 годах.

Отнюдь не случайными представляются строки из «Фауста», поставленные Фетом в качестве эпиграфа к «Моим воспоминаниям»:

Старайся почерпать из жизни-то людской!
Все ей живут, не всем она известна;
А где ни оглянись, повсюду интересна.⁹

Этим напутствием Комика Поэту из «Пролога на театре», которое так любил цитировать И. С. Тургенев, и руководился Фет, воссоздавая страницы собственного жизненного пути. Наверное, если бы было принято предпосылать своим сочинениям более развернутые эпиграфы, он мог бы повторить вслед за гётевским Поэтом, которого Директор театра просит угодить собравшейся публике:

О, не кажи на пестрое движенье,
В котором дух поэта не живет,
Скрой от меня все это треволненье,
Что нас невольно мчит в водоворот.
Нет, в тихое введи уединенье,
Где радости поэт лишь обретет,
Там, где любовь и дружба в благостыне
Рукой богов приводят нас к святыне.

Ах! что лишь сердца глубина рождает,
Что с робостью лепечут лишь уста,
Что удалось и снова исчезает,
Суровый свет развеет навсегда.
Нередко лишь с годами возникает
Вся образов воздушных полнота.
Блестящее на миг лишь создается,
Прекрасное в века передается.¹⁰

Как и во всем ином, за что он брался, Фет, подобно Поэту из «Пролога на театре», не мог «угождать» кому бы то ни было, даже когда само время требовало от него «уступок». «Укрывшись от толпы бесчинной» в своем степановском, а затем в воробьевском «уединенье», поэт оставался верен себе и ни в чем не уступил ни своим современникам, ни самой эпохе.

⁹ Фауст. Трагедия Гёте. Часть первая. Перевод А. Фета. М., 1882. С. 19. Интересно, что, цитируя свой собственный перевод, Фет внес в него окончательную правку: вместо «А где ни выхвати...» стало «А где ни оглянись...».

¹⁰ Там же. С. 14–15.

А эпоха не была к нему слишком добра. Придя в литературу со скромным сборничком ранних стихотворений, пышно озаглавленным «Лирический Пантеон» (1840), до самой середины 1850-х годов поэт был известен только узкому кругу друзей и любителей поэзии. Лишь с выходом сборника 1856 года имя его стало все чаще появляться на страницах толстых и тонких журналов и газет, благо, вторая половина 50-х, окрашенная в обществе горячим ожиданием грядущих реформ, запомнилась в том числе и значительным оживлением периодических изданий. Пореформенные же 60-е годы выбросили Фета на обочину литературной жизни, хотя в 1863 году и вышел в свет его итоговый двухтомник, вобравший в себя не только оригинальные, но и переводные стихотворения. Судьба этого издания очень показательна: через двадцать лет тираж в 2400 экземпляров так и не был распродан.

Лишенный литературного заработка, которым поэт надеялся обеспечить себе и жене пусть не слишком богатое, но все же сносное существование, Фет, неожиданно для окружающих, ушел из литературы и стал фермером, приобретя в собственность 200 десятин земли в Мценском уезде. Попав в самую гущу проводимых в стране преобразований после отмены крепостного права, он, в отличие от многих своих собратьев по перу, оказался один на один с множеством проблем, подстерегавших начинающих землевладельцев нового поколения. И начал писать очерки из деревенского быта, которые вызвали интерес в читательской среде. Появились они в мартовской и майской книжках «Русского вестника» за 1862 год под заглавием «Заметки о вольнонаемном труде», хотя вполне вероятно, что заглавие это было предложено редакцией журнала вместо первоначального «Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство». Во всяком случае именно такое название фигурирует в письме И. П. Борисова, одним из первых услышавшего очерк Фета в декабре знаменательного для России 1861 года.¹¹ Характерно, что Борисов, сам вынужденный заниматься хозяйством в родовом поместье, подчеркивал абсолютную правдивость наблюдений Фета. Эту же черту отметил и Тургенев, ознакомившись с первыми деревенскими очерками поэта, хотя первоначально ожидал от них чего-то другого.¹² Про-

¹¹ Близкий друг и родственник Фета И. П. Борисов писал И. С. Тургеневу 25 декабря 1861 г.: «Не могу, хотел было воздержаться, но нельзя Вам заранее не поведать о восхитительной статье Фета: „Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство“. Ничего не выдуманно, все истинная правда. Но всё это передано неподражаемо, фетовски. <...> Я был в восторге, слушая его» (<Письма к И. С. Тургеневу и письмо о нем> И. П. Борисов / Публ. Е. М. Хмелевской // *ТСб(З)*. С. 354).

¹² «Борисов писал мне о Вашей статье: „Лирическое хозяйство“, — сообщал он Фету 14 января 1862 г. — Я уверен, что это будет прелестно — хотя крайне несправедливо. Но это ничего. Поэт *может* быть несправедливым в известном смысле,

читав, наконец, «Заметки о вольнонаемном труде», он писал их автору: «Дайте нам также продолжение Ваших милейших деревенских записок: в них правда — а правда нам больше всего нужна — везде и во всем».¹³

Приняв, таким образом, с самого начала непосредственное участие в осуществлении крестьянской реформы в качестве хозяина-фермера и, позже, мирового судьи Мценского уезда, Фет, вопреки сложным обстоятельствам и отсутствию практического опыта, сумел поднять и преумножить свое хозяйство. Приобретенный им в июле 1860 года хутор Степановка в Орловской губернии стал если не одним из самых процветающих, то во всяком случае вполне успешным и приносящим приличный доход. И. С. Тургеневу, с большой долей скепсиса отнесшемуся поначалу к агрономическим затеям поэта, пришлось со временем признать, что хозяин из Фета получился очень неплохой. Опыт Фета был тем более важен, что он провел его в виде «чистого эксперимента», не будучи обременен необходимостью урегулировать свои отношения с бывшими крепостными, поскольку таковыми никогда не владел. Побудительные причины, заставившие Фета взяться за новое для него дело, носили вполне практический смысл: выйдя в 1857 году в отставку после одиннадцати лет беспорочной службы, Фет оказался не слишком обеспеченным материально. Да и сама военная служба была скорее вынужденным, а не добровольным шагом молодого поэта.

Деля свою жизнь на две половины и отсчитывая вторую половину с 1853 года, времени знакомства с И. С. Тургеневым и кругом его друзей-литераторов, Фет на склоне дней писал: «Только озирая обе половины моей жизни, можно убедиться, что в первой судьба с каждым шагом лишала меня последовательно всего, что казалось моим неотъемлемым достоянием».¹⁴ Что же имел в виду поэт, упрекая судьбу в несправедливом к себе отношении?

Думается, не случайно Фет начал свои воспоминания не с детских лет, как подсказывала логика автобиографического повествования. Слишком тяжело было начинать их с событий, легших тяжким бременем на всю дальнейшую судьбу поэта. Воспоминания о ранних годах своей жизни Фет начал с описания близких родственников — матери

хотя в *другом смысле* он должен быть справедлив, как божество!» (Тургенев. Письма. Т. 5. С. 9).

¹³ Там же. С. 148. Письмо от 26 января 1863 г. В комментариях к письму (автор А. И. Батюто) ошибочно указано, что речь идет записках Фета «Из деревни», опубликованных в № 1, 3 за 1863 г. и № 4 за 1864 г. «Русского вестника», в то время как отзыв Тургенева относился к первым очеркам, напечатанным в 1862 г. Впрочем, последующие очерки он воспринял тоже очень положительно (см.: Там же. С. 185).

¹⁴ *МВ*. Ч. 1. С. VI.

Елизаветы Петровны, урожденной Шарлотты Элизабет Беккер (1798—1844), происходившей из семьи дармштадтского обер-кригскомиссара и представительницы известного дворянского рода фон Гагернов,¹⁵ ее брата Эрнста Беккера и, конечно, того, кого он тогда считал своим отцом, — мценского помещика Афанасия Неофитовича Шеншина. По понятным причинам Фет не дал описания трагической ситуации, в которой оказался с самого рождения, да и узнал он о тайне своего происхождения гораздо позже.

Дело в том, что мать Фета была замужем, когда встретила в конце 1819-го или начале 1820 года в доме своего отца русского помещика, отставного офицера, участника войны 1812 года, прибывшего в Германию для лечения.¹⁶ Имея годовалую дочь от брака с обер-ассессором городского суда Дармштадта Иоганном Фётом и будучи беременной вторым ребенком,¹⁷ она решилась бежать в Россию с Шеншиным, оставив дочь в Германии, причем Шеншин выдал отцу своей избранницы письмо с обязательством выплатить довольно значительную сумму для воспитания оставленного в Германии ребенка.¹⁸ Уже в России она родила мальчика, названного Афанасием, отцом которого был записан Шеншин. Однако вскоре выяснилось, что «позволительного разрешения» отца Шарлотты (как утверждал А. Н. Шеншин) на новый брак и факта венчания по лютеранскому обряду в Германии, при живом муже и отсутствии развода, недостаточно для того, чтобы брак был признан законным в России. Венчание по православному обряду состоялось 4 сентября 1822 года,¹⁹ что лишь подтверждало «незаконнорожден-

¹⁵ Дедом Фета по материнской линии был Иоганн Карл Вильгельм Беккер (1765—1854), сын городского головы Дармштадта, который исполнял обязанности верховного военного комиссара и был близок ко двору великого герцога Гессенского Людвига I.

¹⁶ *Летопись (1994)*. С. 278.

¹⁷ Иоганн Петер Карл Вильгельм Фёт (Foeth; 1789—1825) сначала служил по интендантскому ведомству в качестве секретаря, затем обер-ассессором городского суда в Дармштадте, отличался тяжелым нравом, пил, буйствовал, обижал жену, брак с которой был заключен в мае 1818 г. В июле 1819 г. в семье Фётов родилась дочь Каролина, которая после отъезда матери осталась на попечении отца и деда. Впоследствии она приехала в Россию и познакомилась со своими родственниками, в том числе с братом Афанасием, затем вышла замуж за врача А. П. Матвеева и поселилась в Киеве. См.: *Матвеева Н. В.* Письма К. П. Матвеевой к А. А. Фету // А. А. Фет: Поэт и мыслитель. Сб. науч. трудов. К 175-летию со дня рождения А. А. Фета. М., 1999. С. 270—276.

¹⁸ Подробно об этой истории, имевшей продолжение после отъезда Шеншина и Шарлотты Фёт в Россию, см.: *Кузьмина И. А.* Материалы к биографии А. А. Фета // *РЛ*. 2003. № 1. С. 122—142.

¹⁹ *Летопись (1994)*. С. 280.

ность» будущего поэта. Соответственно, он лишился всех дворянских привилегий и прав наследования. Когда в 1830 году А. Н. Шеншин подал прошение в Орловское дворянское депутатское собрание о внесении его с детьми в дворянскую родословную книгу, в нем были указаны лишь сын Василий и дочь Любовь. Однако официально «незаконно-рожденность» Фета была установлена Орловской духовной консисторией в январе 1835 года, с метрикой, где мальчик обозначен сыном Фёта, А. Н. Шеншин отвез Афанасия в лифляндский городок Верро, в частный пансион. Ко времени поступления в Московский университет будущий поэт именовался «гессен-дармштадтским подданным» Фёгом.

Несмотря на уговоры со стороны матери и дяди Фета Эрнста, Иоганн Фёт, умерший в Дармштадте в 1825 году, так и не признал родившегося в России мальчика своим сыном и не включил его в свое завещание. Единственным способом обрести дворянское звание и российское гражданство стала для Фета армейская служба, и, после окончания университета, в 1845 году он поступил унтер-офицером в Орденский кирасирский полк. Но и здесь его подстерегала неудача: в том же году вышел царский манифест, согласно которому права на получение дворянства давало лишь производство в штаб-офицеры, а не в обер-офицеры, как раньше, на что Фет мог рассчитывать уже через полгода по вступлении в полк. В новой ситуации ждать искомый чин можно было лишь через 15–20 лет строевой службы.²⁰ Через одиннадцать лет службы Фета, в декабре 1856 года, вышел новый указ, подписанный уже Александром II, окончательно похоронивший надежды на обретение дворянского звания. Он застал поэта в долгосрочном заграничном отпуске, а уже в июне следующего, 1857 года он уволился в отпуск бессрочный. К этому времени судьба его снова совершила крутой поворот: он стал женихом Марии Петровны Боткиной, сестры своего друга, критика и литератора В. П. Боткина. Свадьба состоялась вскоре в Париже. Известность Фета уже была довольно прочной: вышло два поэтических сборника (1850 и 1856 годов), регулярно появлялись новые стихотворения и переводы в прессе.

Если говорить о второй половине жизни, когда Фет стал полноправным членом довольно значительного литературного круга, сгруппировавшегося вокруг журнала «Современник», то и она только на первый взгляд представлялась успешной. После нескольких лет активного участия в литературном процессе (стихи, переводы, статьи) во второй половине 50-х он вынужден был признать, что надежды обеспечить себя и жену посредством литературных заработков потерпели

²⁰ См.: *Летопись* (1994). С. 292–293.

сокрушительное фиаско. Впрочем, как верно замечено, Фет еще в начале 40-х годов, после выхода в свет своего первого поэтического сборника «Лирический Пантеон», «кажется <...> понял, что поэтическим заработком в этой жизни не прожить».²¹

Итак, поэт, с таким трудом определившийся в литературной среде, был снова вынужден выбрать прозу жизни. Или, как он писал в стихотворном послании к Тургеневу (1864):

Поэт! и я обрел, чего давно алкал,
Скрываясь от толпы бесчинной,
Среди родных полей и тень я отыскал
И уголок земли пустынной.

Привольно, широко, куда ни кинешь взор. —
Здесь насажу я сад, здесь, здесь поставлю хату!
И плектрон отложу, я взялся за топор
И за блестящую лопату.²²

Надеясь обеспечить себе материальный достаток, Фет «объективно» оказался «в русле самых главных внутригосударственных преобразований пореформенной России».²³ Сумев преодолеть возникавшие на каждом шагу новых экономических отношений трудности, Фет осмыслял происходящее широко и смело, ставил и решал вопросы в острой, подчас лишь ему свойственной парадоксальной форме. При этом, несмотря на «утопичность» того земледельческого идеала, к осуществлению которого он стремился, логика его мысли и действия и по сей день кажутся не лишены практического значения.

Вера в будущее земледельческой России, убежденность в неотделимости вопроса о земле от исторически обусловленного пути российской государственности представляют историософию Фета глубоко укорененной в реалиях русской жизни, построенной не на вымышленных теориях, а вырастающей из самой действительности. Недаром, рассуждая, к примеру, о земельных вопросах, Фет писал: «В земледельческом, как и во всяком другом хозяйстве, только то имеет прочную будущность, что развивается из собственных средств и в силу естественных условий».²⁴ Более всего его возмущали попытки бездумного

²¹ Кошелев В. А. «Лирическое хозяйство» в эпоху реформ // Фет А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство. М., 2001. С. 18.

²² Фет. ССДП. Т. 5. Кн. 2. С. 52.

²³ Черемисинова Л. И. А. А. Фет: Земледельческая утопия и реальность // РЛ. 1989. № 4. С. 142.

²⁴ <Фет А. А.> На распутье. Нашим гласным от негласного деревенского жителя. М., 1884. С. 46.

заимствования чужих форм жизни и насильственного внедрения их в чуждую среду.

Добрый знакомый и корреспондент Фета — видный деятель крестьянской реформы сенатор Н. П. Семенов написал однажды, что уважает взгляды и мнения поэта прежде всего за то, что он «стоял и стоит близко к народу, во имя которого будто бы все предпринимается».²⁵ Эта точка зрения лишь на первый взгляд может показаться преувеличением. Изучение публицистического наследия Фета убеждает в правоте сказанного: от первого до последнего слова все им написанное имело в виду благо народа, к которому он имел честь принадлежать.

Откликаясь на смерть Фета, один из авторов знаменитого Козьмы Пруткова А. М. Жемчужников отдал должное таланту ушедшего поэта:

Он пел, как в сумраке ночей
Поет влюбленный соловей.
Он гимны пел родной природе;
Он изливал всю душу ей
В строках рифмованных мелодий.

Он в мире грезы и мечты,
Любя игру лучей и тени,
Подметил беглые черты
Неуловимых ощущений,
Невоплотимой красоты...

Однако завершалось стихотворение куплетом, скорее напоминавшим эпиграмму, который как нельзя лучше отражал «общее мнение» современников, как, впрочем, и многих почитателей Фета в веке XX-м и даже XXI-м. Именно оно требует пояснений:

И пусть он в старческие лета
Менял капризно имена
То публициста, то поэта, —
Искупят прозу Шеншина
Стихи пленительные Фета.²⁶

²⁵ Об отношениях Фета с Н. П. Семеновым см.: *Генералова Н. П.* 25 лет спустя: Итоги крестьянской реформы 1861 года в переписке А. А. Фета с Н. П. Семеновым // *Афанасий Фет и русская литература: XIX Фетовские чтения* (Курск, 7–9 октября 2004 г.). Курск, 2005. С. 66–90. Полностью переписка с Семеновым опубликована: *Переписка Фета с Н. П. Семеновым (1884–1892)* / Публ. Н. П. Генераловой // *ФетСб(2)*. С. 558–690.

²⁶ *Жемчужников А. М.* Избранные произведения / Вступит. статья, подгот. текста и примеч. Е. Покусаева. М.; Л., 1963. С. 182–183.

Стихотворение не случайно называется «Памяти Шеншина-Фета»,²⁷ где упомянуто через дефис имя, которого поэт никогда не носил — он был либо Фетом, либо Шеншиным.²⁸ Добившись в 1873 году возвращения себе родовой фамилии Шеншина, он отныне стал подписывать свои письма именно так, в то время как под стихотворениями по-прежнему стояло: «А. Фет».²⁹

Кажется, сейчас не стоит вопрос, хорошим поэтом был Фет или его стихи годились лишь «для заворачивания сальных свечей, мешчерского сыра и копченой рыбы», как когда-то глумливо пошутил Д. И. Писарев. Перефразируя слова Тургенева о Тютчеве, о Фете можно сказать, что «кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии».³⁰ Не случайно в период обострения полемики о роли и назначении искусства, связанной с появлением в 1855 году известной диссертации Н. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» и статьи «Очерки гоголевского периода русской литературы», где был прямо поставлен вопрос о назначении искусства, имя Фета стало едва ли не символом, а появление в 1856 году сборника его стихотворений (в подготовке его принял большое участие И. С. Тургенев) вызвало несколько откликов, значение которых выхо-

²⁷ В комментариях по поводу «прозы Шеншина» недвусмысленно сказано: «Имеются в виду проникнутые реакционной тенденцией статьи Фета „Письма русского помещика“» (Там же. С. 367). Откуда автор комментариев взял заглавие «реакционных» статей Фета, остается загадкой.

²⁸ К сожалению, эта двойная фамилия с инверсией («Фет-Шеншин») выбита и на могиле Фета в склепе церкви села Клейменово, где он был похоронен вместе с женой, а затем, вследствие варварского разрушения могил после революции 1917 г., снова перезахоронен.

²⁹ В шутовском поэтическом послании к Ф. Е. Коршу Фет попытался объяснить разницу между Шеншиным и Фетом:

Смущаюсь я не раз один,
Как мне писать в делах текущих:
Я между плачущих — Шеншин
И Фет я только средь поющих.

(Фет. ССулП. Т. 5. Кн. 2. С. 139). А своей многолетней корреспондентке С. В. Энгельгардт в письме, подписанном «А. Шеншин» и содержащем стихотворение «А. Л. Б<ржес>кой», сообщил 10 марта 1879 г.: «Фет посещает меня редко; но я сердечно рад его посещениям, потому что они искренни» (Фет. ССП. С. 384).

³⁰ «...О Тютчеве не спорят; — писал Тургенев Фету 27 декабря 1858 г. в ответ на его жалобу, что сестра Л. Н. Толстого Мария Николаевна не понимает Тютчева, — кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии <...>» (Тургенев. Письма. Т. 3. С. 356). В своих воспоминаниях С. Д. Боткин привел слова Н. Н. Страхова: «Кто не понимает и не любит Фета, тот не знает, что такое поэзия» (цит. по: Боткин С. Д. Воспоминания (отрывок) // Егоров Б. Ф. Боткины. СПб., 2004. С. 306).

дило далеко за рамки рядовых журнальных рецензий. Не случайно также, что именно в связи с обсуждением сборника стихотворений Фета 1856 года в русской эстетике окончательно оформляется теория «чистого искусства», или, если воспользоваться более точным определением В. П. Боткина, «теории свободного творчества, в противоположность другой, утилитарной теории, которая хочет подчинить искусство служению практическим целям».³¹

Статья Боткина о сборнике стихотворений Фета по праву считается самой значительной из его литературно-критических работ. 3 января 1857 года он так писал Тургеневу о своей еще не оконченной работе: «Тебе, верно, не понравится восторженный тон ее <...> но я решительно не могу, говоря о поэзии и искусстве, не выйти из обыденного тона. Говоря откровенно, мне самому хотелось дать себе посильный отчет о том, что такое искусство, что такое поэзия? Ответов на это я не находил ни у кого, или находил их в таких сложных построениях, в таких отвлеченностях, что невозможно было схватить предмет в его общечеловеческом виде».³² Статья действительно более походила на эстетическую декларацию, каковою она и являлась.

«Со времени Пушкина и Лермонтова, — писал Боткин, — мы не знаем между русскими стихотворцами таланта более поэтического, как талант г. Фета».³³ «Такую наивную внимательность чувства и глаза найдешь разве только у первобытных поэтов».³⁴

Один из ведущих критиков того времени А. В. Дружинин напечатал в пятом номере «Библиотеки для чтения» развернутую статью о сборнике Фета, где писал: «Вдохновение и вера в силу вдохновения, глубокое понимание красот природы, сознание того, что проза жизни кажется прозою лишь для очей непросветленных поэзией, — вот особенности г. Фета, обличающие в нем поэта несомненного, чистого, неспособного к скептицизму или колебанию в своем призвании».³⁵ Имя

³¹ Боткин В. П. Стихотворения А. А. Фета. Санкт-Петербург. 1856 // Боткин В. П. Литературная критика. Публицистика. Письма / Сост., подгот. текста, вступит. статья и примеч. Б. Ф. Егорова. М., 1984. С. 202. «Мы, например, вовсе не думаем, — писал Боткин в той же статье, — чтобы Гоголь имел в виду исправление нравов, когда писал своего „Ревизора“» (Там же. С. 207).

³² В. П. Боткин и И. С. Тургенев: Неизданная переписка. 1851—1869 / По материалам Пушкинского Дома и Толстовского музея подготовил к печати Н. Л. Бродский. М.; Л., 1930. С. 110.

³³ Боткин В. П. Стихотворения А. А. Фета. С. 212.

³⁴ Там же. С. 220.

³⁵ Дружинин А. В. Стихотворения А. А. Фета. Спб., 1856 // Дружинин А. В. Литературная критика / Сост., подгот. текста и вступит. статья Н. Н. Скатова, примеч. В. А. Котельникова. М., 1983. С. 89. Здесь в последнем слове допущена опечатка: «признании» вместо «призвании».

Фета, до того не слишком популярное в литературе, называется Дружининым наряду с именами Пушкина и Гёте, что в устах такого строгого критика значило очень много.

Правда, отдавая дань времени, и Дружинин, и Боткин отмечали в поэзии Фета прежде всего непосредственность, бессознательное любовное влечение жизнью, настаивали на импровизационном начале его поэзии. «С другой стороны, г. Фет не поэт какого-либо глубокомысленного воззрения, — писал Боткин. — <...> сфера мыслей его весьма необширна, созерцание не отличается ни многосторонностью, ни глубокомыслием; ничто из так называемого современного не находит в нем ни малейшего отзыва, наконец, воззрения его не имеют в основе своей никаких постоянных и определенных мотивов, никакого резкого характера, который, вообще, так облегчает понимание поэта».³⁶

«Мировым, европейским, народным поэтом Фет никогда не будет, — читаем в статье Дружинина, — как двигатель и просветитель он не совершит пути, пройденного великим Пушкиным. В нем не имеется драматизма и ширины воззрения, его мирозерцание есть мирозерцание самого простого смертного, его вдохновение не выдержит продолжительного напряжения».³⁷

Итак, уже с первых серьезных откликов на творчество Фета в критике и широкой публике складывается впечатление о поэте как не очень далеком, не слишком глубоком мыслителе, наделенном, однако, чудным даром певца природы, неуловимых ощущений, неповторимых мгновений и красоты. Следует, правда, иметь в виду, что отзывы Боткина и Дружинина ограничивались 1856 годом и были произнесены задолго до того, как вышли в свет «Вечерние огни», сборники новых стихотворений поэта, давшие примеры подлинно философской лирики.

Между тем Фет оставил нам не только образцы величайших лирических вдохновений. Он ясно и недвусмысленно высказался по самым разным вопросам: политическим, экономическим, философским, эстетическим и другим. И чем внимательнее вчитываешься сейчас в эти размышления поэта, тем более глубоким, сильным и оригинальным представляется его взгляд на мир. Говоря в самых общих чертах, необходимо признать, что к настоящему времени не только само наследие поэта не опубликовано в полной мере, — оно в значительной степени пока не осмыслено.³⁸

³⁶ Боткин В. П. Стихотворения А. А. Фета. С. 209—210.

³⁷ Дружинин А. В. Стихотворения А. А. Фета. С. 90.

³⁸ Здесь следует указать на подготовленный Г. Д. Аслановой том публицистики Фета, вобравший большую часть его статей, опубликованных в различных периодических изданиях, а также отдельными брошюрами или оставшихся в руко-

Так, помимо многочисленных высказываний на эстетические темы, рассыпанных в его стихах, статьях, предисловиях, письмах, квинт-эссенцию своих взглядов на искусство Фет выразил в статье «О стихотворениях Ф. Тютчева», опубликованной во втором номере журнала «Русское слово» за 1859 год, то есть незадолго до того, как этот журнал был «захвачен» представителями радикального крыла революционных демократов.

Непосредственным поводом для написания статьи послужил вышедший в 1854 году первый сборник поэта (в подготовке его также большое участие принял И. С. Тургенев, давний почитатель творчества Тютчева). Однако статья вышла спустя пять лет и отнюдь не напоминала рецензию. Как и упомянутые статьи Боткина и Дружинина, она скорее была эстетической декларацией поэта. По сути, Фет подключался к литературно-эстетическим спорам своего времени, четко формулируя свое эстетическое *credo*. Каковы же основополагающие тезисы этой статьи?

Отвергая как не идущие к делу вопросы о «правах гражданства поэзии», ее «современности» (Фет называет эти вопросы «кошмарами, от которых давно и навсегда отделался»), автор начинает с главного — определения сущности искусства. «Поэзия, или вообще художество, есть чистое воспроизведение не предмета, а только одностороннего его идеала <...>». ³⁹

Таким образом, поэт отбрасывает теории Чернышевского, Добролюбова и прочих представителей «реальной» критики, открыто декларируя «односторонность» искусства, не претендующего на «воспроизведение самого предмета», то есть действительности. Эта односторонность, интересующая художника и находящаяся только в его ведении, — красота, разлитая в природе, в мире.

Мир же принимается художником целиком как равно прекрасный, и в этом тезисе заложено одно из главных опровержений современных тенденций, состоящих в критическом осмыслении действительности. Если «мир во всех своих частях равно прекрасен, то внешний, предметный элемент поэтического творчества безразличен». ⁴⁰ Иными словами — нет никакой разницы в том, что изображает поэт. Главное — он должен узреть идеальную сторону предмета, то есть его красоту. Красота, таким образом, понимается не как красивость, а как идеальная сущность, идеальная сторона явления.

писи: *Фет А. А. Наши корни: Публицистика* / Подгот. текстов Г. Д. Аслановой, коммент. Г. Д. Аслановой и В. И. Щербакова. СПб.; М., 2013. 480 с.

³⁹ *Фет. ССUII*. Т. 3. С. 177.

⁴⁰ Там же.

Здесь очень важен момент зоркости — «этого шестого чувства, не зависящего ни от каких других качеств художника». ⁴¹ А в целом по логике всех указанных определений провозглашается как бы неморальность искусства, где всякая тенденция, цель признаются в качестве приводящих мотивов. ⁴² Сказанное, разумеется, не распространяется на все искусство. И у Тютчева, и у самого Фета, да и у любого поэта найдется немало стихотворений, наполненных «моральным», в том числе гражданским содержанием. Фет заостряет проблему в полемических целях и в дальнейшем не раз будет возвращаться к этой теме в статьях, предисловиях и комментариях к переводимым им поэтам античности и нового времени.

Примеры, приводимые Фетом в статье о Тютчеве, красноречивы. Грязный и спесивый козел, к которому вожделеет коза (Фет цитирует по-французски первую строку стихотворения А. Шенье «Le bouc et le Satyre»: «L'impur et fier époux que la chèvre désire...»), ⁴³ или подравшиеся воробьи способны стать содержанием истинной поэзии, в то время как «высокая мысль» может присутствовать в ничтожной по поэтическому содержанию подделке. «Дайте нам прежде всего в поэте его зоркость в отношении к красоте, а остальное на заднем плане. Чем эта зоркость отрешеннее, объективнее (сильнее), даже при самой своей субъективности, тем сильнее поэт и тем вековечнее его создания». ⁴⁴

Дело не в самих чувствах, а в том, что «чем дальше поэт отодвинет их от себя как объект», тем зорче будет он и «тем чище выступит его идеал». ⁴⁵ Дело в умении художника «совладать» с ними, дистанцироваться на расстояние, с которого зоркий глаз превратит их в предмет искусства.

Таким образом, всё, в том числе и чувство, может быть предметом поэтического созерцания. Даже мысль может быть предметом изображения, но не сама по себе. В качестве предмета искусства она становится чем-то иным, как бы переплавляется в поэзию. В этом ее строгое

⁴¹ Там же. Ср. в статье Боткина: «Поэтическое чувство можно бы назвать шестым и самым высшим чувством в человеке» (*Боткин В. П.* Литературная критика. Публицистика. Письма. С. 203).

⁴² Ср. стихотворение 1884 г. «Добро и зло» («Два мира властвуют от века...»): «Но если на крылах гордыни / Познать дерзаешь ты как бог, / Не заноси же в мир святыни / Своих невольничьих тревог. // Пари всезрящий и всеильный, / И с незапятнанных высот / Добро и зло как прах могильный / В толпы людские отпадет» (*Фет. ССул.* Т. 5. Кн. 1. С. 153).

⁴³ В переводе самого Фета эта строка звучит так: «Супруг надменный коз, лоснящийся от жиру...».

⁴⁴ *Фет. ССул.* Т. 3. С. 179.

⁴⁵ Там же.

отличие от мысли философской.⁴⁶ Философская мысль должна быть точна и конкретна, поэтическая же — как можно более обща. Не мысль, а идея мысли — вот что способно, по Фету, стать предметом искусства.

Как видим, рассуждения Фета о поэзии, о сущности искусства далеки от того, чтобы назвать их «бессознательными», в основе его эстетики лежали глубоко продуманные и прочувствованные представления, которым он остался верен до конца дней. Кстати, до конца дней поэтическое вдохновение, несмотря на пророчество некоторых критиков, в том числе И. С. Тургенева, не покинуло Фета: свидетельством тому — выходявшие с 1883 года сборники новых стихотворений уже пожилого поэта — «Вечерние огни».

Именно в статье о Тютчеве Фет высказал мысль, которая впоследствии не раз становилась предметом насмешек, а по сути в образной форме выражала одно из задушевнейших его убеждений. Утверждая, что «лиризм, этот цвет и вершина жизни», хотя «навсегда останется тайной», требует от своего носителя подчас «безумной, слепой отваги» и в то же время «тончайшего чувства меры», Фет дерзко заявлял: «Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой, с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик».⁴⁷

Статья о Тютчеве не была ни первым, ни последним выступлением Фета в качестве эстетика и литературного критика. В этом отношении было бы трудно упрекнуть поэта в равнодушии к бушующим на страницах русской периодики литературным и идеологическим спорам, хотя он и говорил иногда, что ему решительно все равно, что о нем пишут.⁴⁸ Напротив, Фет никогда не упускал возможности высказаться на волнующие его темы и делал это нередко в резкой полемической форме. Таковы его статьи о романе Чернышевского «Что делать?» и о романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина», увидевшие свет лишь спустя много десятилетий после смерти поэта. Не менее острой по смыслу была статья Фета «Два письма о значении древних языков в нашем воспитании» и другие. Собранные вместе в третьем томе выходящего ныне

⁴⁶ Сам по себе этот тезис не был чем-то совершенно оригинальным, примерно в таком виде он формулировался и Боткиным, и Дружининым, и Катковым (например, в статьях о Пушкине).

⁴⁷ *Фет. ССЦП*. Т. 3. С. 186—187.

⁴⁸ «Вы пишете, что меня бранят в „Современнике“, — писал Фет С. В. Энгельгардт 19 октября 1860 г. — <...> Но мне решительно теперь все равно, что они будут обо мне писать и говорить. Жаль, что новое поколение ищет поэзию в действительности, когда поэзия есть только запах вещей, а не самые вещи. Но и об этом жалеть не следует. Можно жалеть о засухе известного года, но думать, что засуха будет вечная, неосновательно» (*РГБ*. Ф. 126. Папка 8337. № 10. Л. 1 об.; ср.: *Фет. ССП*. С. 375).

Собрания сочинений и писем Фета, литературно-критические статьи не только дают достаточно полное представление о его эстетических воззрениях, но и ясно высвечивают место Фета-критика в современном ему литературном процессе. Исследователями было также отмечено, что между литературно-критическими и публицистическими статьями Фета подчас нелегко провести четкое разграничение.⁴⁹

Характерен отклик поэта на рецензию С. Д. Шестакова, написанную в связи с выходом в свет «Од» Горация в переводе Фета, которые публиковались в журнале «Отечественные записки» в 1856 году и в том же году вышли отдельным изданием. Статья Шестакова была напечатана в февральской книжке журнала «Русский вестник» за 1856 год, после публикации первой книги од. Переводы из Горация не были случайными в творчестве Фета, он начал переводить «Оды» еще на студенческой скамье, а впоследствии подготовил полный перевод Горация (1883), который не только был удостоен Пушкинской премии и рекомендован в качестве учебного пособия для гимназий, но и стал поводом для избрания поэта членом-корреспондентом Академии наук. В «Ответе на статью „Русского вестника“ об „Одах Горация“» Фет горячо оспорил многие тезисы рецензента, но мы остановимся лишь на том, что не имело непосредственного отношения к качеству перевода и все же стало предметом полемики.

Споря с предисловием Фета к переводу Горация, Шестаков утверждал, что римский поэт не был философом, а был человеком аполитичным, «чисто поэтической натурой».⁵⁰ Заметим, как напоминают эти определения характеристики самого Фета, укрепившиеся в сознании современников. Казалось бы, мнение критика, причислявшего Горация к представителям «чистого искусства», должно было понравиться Фету. Однако в своем ответе поэт решительно оспорил это суждение. В предисловии к переводу «Од» Горация он утверждал, что поэт черпал вдохновение «непосредственно из жизни», что он «с ожесточением» восставал «на испорченность нравов своего века» и только в самодержавии Августа видел «единственную возможность избавления от всех бедствий и преступлений».⁵¹ Возражая Шестакову, Фет еще раз под-

⁴⁹ См.: Сорочан А. Ю., Строганов М. В. А. А. Фет как литературный критик // *Фет. ССUII*. Т. 3. С. 421. Не случайно статья Фета «Фамусов и Молчалин. Кое-что о нашем дворянстве» (1885) в Собрании сочинений и писем Фета вошла в раздел «Критические статьи» (Т. 3), а в сборнике «Наши корни: Публицистика» (М., 2013), составленном Г. Д. Аслановой, по праву заняла место наряду с другими публицистическими выступлениями поэта.

⁵⁰ *Шестаков С.* Оды Горация в переводе г. Фета // *РВ*. 1856. Т. 1. Кн. 1 (февраль). С. 569.

⁵¹ *Фет. ССUII*. Т. 2. С. 10.

черкивает, что Гораций «писал свои стихи почти исключительно на ежедневные события (Gelegenheitsgedichte)», которые, как правило, даже у великих поэтов выходили «из рук вон плохи», и «можно сказать, один в целом мире» умел возводить ежедневные события, случайности «на высоту художественных произведений».⁵²

Что же так привлекало Фета в Горации помимо высоких художественных достоинств его творений? Это как раз то, что чаще всего не замечалось его поздними читателями: он был выразителем римской силы, «великие зачатки» которой «не успели еще заглухнуть среди стремлений к жизни внешней, блестящей с виду, но пустой по содержанию».⁵³ Эта сила состояла в великих образцах доблести, свойственной каждому римлянину. В предисловии к своим переводам из Горация Фет подчеркивал стоический идеал римского поэта, отказ от почестей и богатств, которые сулила ему дружба с Мecenатом, стремление к мирной жизни и деревенской тишине.

Уже через несколько лет после выхода в свет переводов «Од» Горация Фет и сам «осядет» на земле, в приобретенной им Степановке. А в 1877 году он продаст взлелеянный им «кочок земли» и поселится в Воробьевке, где почти полностью отдастся переводам. Обеспечив себе необходимый «прожиточный минимум», поэт обрел независимость, которой искал, и мог свободно распоряжаться своим временем.

Рассуждая об искусстве в путевых очерках «Из-за границы», написанных еще в 1856 году, Фет, сравнивая положение дел в литературе Франции и России, заявлял: «У нас на Руси писатель пока еще не ремесленник, вынужденный подмалевывать свою куклу в угоду детям, для которых румяная, московская кукла с голубыми кружками вместо глаз бесконечно привлекательнее Амура Праксителя. Наш писатель еще хлопочет об обнаружении того, что считает непреложной истиной, и поэтому литература занимает место, которое ей вполне принадлежит. Она поучает устами таланта. Хорошо ли учит тот или другой — дело частное и случайное, но только при таком положении вещей возможно развитие вкуса и ширины взгляда. Во Франции в настоящее время дело наоборот. Литература та же модистка, обязанная выбирать материю и покрой платья, сообразуясь с общим вкусом покупателей, без того магазин будет пуст и магазинщик умрет с голоду. Журнальная критика, по причине своей продажности и пристрастности, давно вышла у читателей из веры, и окончательным судьей осталось большинство».⁵⁴

⁵² Фет. ССчП. Т. 3. С. 163.

⁵³ Там же. Т. 2. С. 7.

⁵⁴ Там же. Т. 4. С. 98.

Сказанное лишь на первый взгляд мало согласуется с представлениями о Фете как проповеднике «чистого искусства»: если внимательно вникнуть в его эстетические постулаты, как и в его политические, экономические и другие представления, мы не найдем ожидаемых противоречий. Напротив, нежелание идти на поводу большинства в оценке произведений искусства, как и в оценке политических событий, выдает в Фете мыслителя неординарного. Его подчас парадоксальные суждения скрывают за собой итоги долгих размышлений.

Литературно-публицистические выступления Фета не остались незамеченными. Несмотря на близость в 50-е годы к редакции «Современника», несмотря на личное расположение к нему Некрасова и Тургенева, завершающая часть писем «Из-за границы», посвященная итальянским впечатлениям, так и не была опубликована в журнале, который постепенно переходил в руки его «молодой редакции» во главе с Чернышевским. Эта часть заметок оказалась вообще утраченной для нас. И не исключена возможность, что чья-то «заботливая» рука просто выбросила ее в корзину. А вскоре Фету была объявлена война по всем направлениям. Она привела, как известно, к долговременному уходу поэта из литературы. Лишь спустя двадцать лет после последнего поэтического сборника 1863 года, в 1883 году, появится первый выпуск «Вечерних огней».

Деятельность Фета как литературного критика и публициста 60-х годов продолжала линию, намеченную в середине 50-х. При очевидной немногочисленности статей литературно-критическая часть наследия Фета представляется весьма ощутимой частью литературного процесса 50–60-х годов, более того, можно говорить о том, что значение ее выходит далеко за пределы чисто эстетических вопросов. По сути дела, она органически включается в корпус публицистики Фета, как по своему потенциалу, так и по многообразию затронутых автором тем. Достаточно указать на обширную (написанную в соавторстве с В. П. Боткиным) рецензию на нашумевший роман Чернышевского «Что делать?». Здесь обсуждение художественных достоинств романа органически выливается в идейный спор с Чернышевским — проповедником социалистических идей. «Да, мы открыто не желаем смут и натравливаний одного сословия на другое, где бы оно ни проявлялось: в печати ли, на театре ли, посредством изустных преподаваний и нашептываний. Мы не менее других желаем народного образования и науки, только не по выписанной нами обскурантной программе социалистов, способной только сбить человека с врожденного здравомыслия. Нам больно видеть недоверие сознательных элементов общества к публичному воспитанию. Наравне с другими мы чувствуем необходимость незыблемых гарантий свободному и честному труду. Для нас

очевидна возрастающая потребность в серьезном содействии женского труда на попроще нашего преуспеяния. Чем скорее и яснее поймут они всю гнусность валяться целый день в постели и пить сливки, заставляя мужа, кроме тяжелых забот о насущных нуждах семейства, заваривать им чай, — тем лучше. Пусть они серьезно и полезно трудятся, но только не в фаланстере».⁵⁵ Так завершалась статья о романе Чернышевского.

При слове «публицистика Фета» большинство знающих людей вспомнит яркие статьи, связанные с опытом начинающего фермера и печатавшиеся в 60-е — начале 70-х годов. Собранные вместе, очерки Фета дают подробное представление о том, каким образом приживались в сельском быту новые веяния, привнесенные реформой 1861 года, освободившей крестьян от крепостного рабства. Давая краткий обзор деревенских очерков Фета, А. Е. Тархов верно заметил, что значение их выходит далеко за пределы биографического интереса. «...Упорная борьба Фета за осуществление „земледельческого идеала“, — пишет исследователь, — отнюдь не сводилась к „фермерской программе“ нового, прогрессивного хозяйствования; деятельность Фета вдохновляла иная идея: среди катастрофического кризиса всей помещичьей жизни, оскудения и разорения дворянских усадеб, всеобщего убеждения в исчерпанности исторической роли дворянства как сословия — наперекор всему этому стремиться к осуществлению нового *человеческого идеала земледельца*: а таковым был для Фета среднепоместный дворянин».⁵⁶

Продолжая мысль исследователя, можно сказать, что значение деревенских очерков Фета выходит далеко за рамки не только биографического интереса, но и более общего интереса к судьбам среднепоместного дворянства. Судьбы дворянства были неразрывно связаны с судьбой крестьянства, а значит и всего народа. Именно в таком качестве — размышлений о судьбе русского народа и судьбе России очерки Фета входят в более поздний пласт публицистики, составляя с нею органическое целое.

Завершив цикл своих деревенских записок в 1871 году, Фет продолжал напряженно размышлять о настоящем и будущем государственного устройства России. По сути дела, он до последних дней оставался деятельным участником дискуссий по самым насущным вопросам экономической и общественной жизни. Собранные вместе в будущем томе выходящего ныне собрания его сочинений, публицис-

⁵⁵ *Фет. ССДП*. Т. 3. С. 259.

⁵⁶ *Тархов А. Е.* Проза Фета-Шеншина // Фет А. А. Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 373—374. См. также содержательную статью Л. И. Черемисиновой: А. А. Фет: Земледельческая утопия и реальность. С. 142—148. Здесь автор затрагивает и позднюю публицистику поэта, тесно связанную с деревенскими очерками 60-х гг.

тические статьи 70-х — начала 90-х годов дадут возможность определить место и значение Фета-публициста в общественном процессе последней трети XIX столетия.

Статья «Наши корни», опубликованная в февральской книжке «Русского вестника» за 1882 год за подписью «Деревенский житель», написанная в переломный для России момент, положила начало череде публицистических выступлений Фета 1880-х годов. Начатая задолго до 1 марта 1881 года и завершенная уже после убийства народовольцами Александра II, эта статья дает ключ к пониманию всей публицистики Фета 80-х годов.⁵⁷

Как верно замечено исследователями, под «корнями народной жизни» понималось, с одной стороны, «религиозно-нравственное воспитание народа — „духовный“ корень, с другой — „материальный, наше сельское хозяйство“». ⁵⁸ Именно на этих основаниях зиждется духовное и материальное благополучие государства и трона, ибо «истинная особенность» российской государственности коренится, по Фету, «в двух мотивах: *главенстве Христа и Царя*». ⁵⁹

Объективно статья «Наши корни» оказалась своеобразным ответом Фета-публициста на долгое противостояние общественных сил, кульминацией которого стало убийство Александра II. Накал борьбы побудил Фета открыто встать на сторону охранителей трона и заслужить звания реакционера и консерватора, которые, судя по всему, не сильно смущали поэта. Недаром он сам позаботился о том, чтобы «Наши корни», как и другие его статьи, дошли прямо до Александра III.⁶⁰ Но и поэт Афанасий Фет откликнулся на совершенное злодейство проникновенными строками:

1 МАРТА 1881 ГОДА

День искупительного чуда,
Час освящения креста:

⁵⁷ См.: Черемисинов Г. А. Социально-экономический портрет пореформенной России в статье А. А. Фета «Наши корни» // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Сб. науч. статей и материалов XIII Фетовских чтений. Курск, 1998. С. 88—96. Первая научная публикация статьи осуществлена В. И. Щербаковым: Фет А. А. Наши корни / Публ. и примеч. В. И. Щербакова // А. А. Фет: Поэт и мыслитель. Сб. науч. трудов. М., 1999. С. 171—234.

⁵⁸ Черемисинова Л. И. А. А. Фет: Земледельческая утопия и реальность. С. 145.

⁵⁹ Деревенский житель <Фет А. А.>. Наши корни. М., 1882. С. 53.

⁶⁰ См.: Щербаков В. И. «К сожалению, много правды»: Александр III и его окружение о статье А. А. Фета «Наши корни» // А. А. Фет и русская литература: Материалы Всероссийской научной конференции «XV Фетовские чтения». Курск; Орел, 2000. С. 127—136.

Голгофе передал Иуда
Окровавленного Христа.

Но Сердцеведец безмятежный
Давно, смиряясь постиг,
Что не простит любви безбрежной
Ему коварный ученик.

Перед безмолвной жертвой злости,
Завида праведную кровь,
Померкло солнце, вскрылись гробы,
Но разгорелась любовь.

Она сияет правдой новой.
Благословив ее зарю,
Он крест и свой венец терновый
Земному передал царю.

Бессильны козни фарисейства:
Что было кровь, то стало храм,
И место страшного злодейства
Святыней вековечной нам.⁶¹

Говоря об идеологическом облике Фета, следует, однако, иметь в виду существенную особенность его позиции. Как верно писал А. Е. Тархов, «если уж искать название для его далеко не прогрессивной идеологии, то скорее всего ее следует назвать почвенническим консерватизмом».⁶² Но его позиция по ряду коренных вопросов заметно отличалась от позиции тех, с кем Фет-публицист оказался в одном ряду. Так, например, он заметно расходился в отношении к сословиям с таким ярким представителем консервативного лагеря, как К. Н. Леонтьев. Анализируя статью Фета «По поводу отзывов земств о преобразовании местных учреждений», напечатанную в № 14 «Московских ведомостей» от 14 января 1888 года, и отклик на нее Леонтьева, современный исследователь пишет: «Позиция Фета синтетична. Сторонник „известной иерархии“, он пришел к проповеди хозяйственной и правовой свободы для крестьянина через вопрос о его ответственности».⁶³

⁶¹ Написанное вскоре после убийства царя, стихотворение было опубликовано в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях» без заглавия. Позднее вошло в раздел «Элегии и думы» первого выпуска «Вечерних огней» (М., 1883). См.: *Фет. ССШ*. Т. 5. Кн. 1. С. 17, примеч. на с. 314–317.

⁶² Тархов А. Е. Проза Фета-Шеншина. С. 375.

⁶³ Добряков С. В. Незамеченный спор (К. Леонтьев и А. Фет: к истории взаимоотношений) // А. А. Фет и русская литература: Материалы Всероссийской науч. конференции «XVII Фетовские чтения». Курск, 2003. С. 248.

Действительно, еще в 1864 году Фет писал: «Мы напрасно обвиняем то или другое сословие. Общественные недостатки у нас те же во всех. И у крестьян, и у помещиков до сих пор всегда были деньги, с одной стороны, на водку, а с другой — на несоразмерные со средствами затеи, и вечно чувствовался недостаток в необходимом».⁶⁴ Понятие экономии, существования по средствам было одним из заветных убеждений Фета. Оно же нередко становилось источником обвинения его в скупости и даже «скарденности». Между тем расточительству дворян он ставил в пример крестьян, когда писал: «Крестьянин почерпнул свой быт не из академий, трактатов и теорий, а из тысячелетней практики, и потому быт его является таким органическим целым, стройности и целесообразности которого может позавидовать любое учреждение».⁶⁵

К. Леонтьев, сторонник укрепления сословных привилегий дворянства,⁶⁶ выступал в то же время за сохранение крестьянской общины, убежденным противником которой был Фет. По вопросу о сохранении или упразднении общины Фет расходился со многими консерваторами, как западнической, так и славянофильской ориентации.

Важнейшими компонентами историософии Фета становятся понятия «земли» и «труда». Земледелие, по Фету, «не какая-либо потребность жизни, оно сама жизнь».⁶⁷ «Землевладение» же есть не просто «владение землей», в том числе ее купля-продажа, — это прежде всего «делание на земле». «Не указывайте прямо на землю как на источник богатства, — писал он в 1871 году. — Земля без рук — мертвец».⁶⁸ Рассматривая государство как органическую форму существования народа, основанную на семейном начале, фундаментом этого исторического образования Фет полагал землю и тех, кто ее возделывает. Земледельческая деревня для него — это «корень всего государственного дерева».⁶⁹

«Затруднений и препятствий много, — писал Фет еще в своих «Заметках о вольнонаемном труде», — но где средства устранить их и сровнять дорогу всему земледельческому труду, этому главному, чтобы не сказать единственному, источнику нашего народного благосостоя-

⁶⁴ *Фет. ССцП.* Т. 4. С. 291.

⁶⁵ Там же. С. 337.

⁶⁶ «Если для Фета было важно равенство обязанностей и прав дворянина и крестьянина, то Леонтьев попробовал развить принцип сословной иерархии», — пишет С. В. Добряков (*Добряков С. В. Незамеченный спор (К. Леонтьев и А. Фет: к истории взаимоотношений)*. С. 252).

⁶⁷ *Фет. ССцП.* Т. 4. С. 370.

⁶⁸ Там же. С. 341—342.

⁶⁹ Там же. С. 354.

ния?».⁷⁰ Конечно, труд как основополагающая категория не ограничивается для Фета только земледельческой сферой. Его интересует весь быт земледельческой деревни в целом, начиная с рациона наемных рабочих и до влияния на жизнь деревни прокладываемых железных дорог, вплоть до вопросов винокурения и чрезмерного пьянства.⁷¹ Поясняя свою позицию наблюдателя и автора деревенских заметок, основным инструментом которого является непредвзятое отношение к увиденному, поэт пишет: «Только из такого простого и свободного отношения к предметам возникает для меня наслаждение трудом».⁷²

Суть самой реформы Фет понимал гораздо глубже тех, кто в первую очередь был озабочен раскрепощением огромной части населения России. Как будто опровергая тех, кто заподозривал его во вражде к проводимым реформам (а до сих пор находятся люди, считающие Фета «крепостником»), в своих деревенских записках поэт создал подлинный гимн вольнонаемному труду. «Насколько мы понимаем дух крестьянской реформы, — писал он в одном из очерков цикла «Из деревни» (1863), — она должна разрешить два вопроса: эманципацию личности и эманципацию труда, что почти одно и то же. <...> / Труд только тогда свободен, когда подобно всем остальным ценностям обуславливается предложением и требованием, когда он *вольнонаемный*. Итак, вольнонаемный труд является логическим последствием и конечной целью реформы, о которой, во избежание недоразумений, скажем раз навсегда, что мы ей и в принципе, и во всех проявлениях по сей день — глубоко сочувствуем».⁷³

Таким образом, понятия «землевладения» и «земледелия» становятся синонимами. Здесь, собственно, лежат корни фетовских разногласий со многими современными ему публицистами. Вот почему псевдоним, избранный Фетом, — «Деревенский житель» — несет на себе серьезную идеологическую нагрузку.

Именно этим псевдонимом была подписана статья «На распутье», которая вышла отдельной брошюрой в Москве в 1884 году. Долгое время она оставалась анонимной, лишь недавно было доказано, что она принадлежит перу Фета. Не вдаваясь в подробности, Фет открыто формулирует тезис: «Мы все, русские (за ничтожными исключениями), любим нашего монарха, мы верим в его преемственно законное

⁷⁰ Фет. ССЦП. Т. 4. С. 178.

⁷¹ «Признавая в *водке* одного из капитальнейших факторов современного народного хозяйства, — писал Фета в одной из статей, — невольно спрашиваешь: неужели не сыщется ему более достойного конкурента, хотя бы в отдаленном будущем? Как не быть?» (Там же. С. 341).

⁷² Там же. С. 253.

⁷³ Там же. С. 238.

самодержавие, мы надеемся на его защиту от обуревающих нас страстей». ⁷⁴ Православие и самодержавие, таким образом, — основа государственного устройства России. Любопытно, что третья составляющая уваровской триады — «народность» — оспаривается Фетом.

«Слова: *народность* или *животность* обозначают лишь совокупность особенных свойств народа или животного, а в этом смысле, хотя в приведенной фразе *народность* и неуместна с двумя первыми понятиями, но постановленная таким образом: *народность: православие и самодержавие* может иметь самый твердый и ясный смысл в данном народе». ⁷⁵ Схожим образом высказывался Фет и в статье «Наши корни»: «Мы до сих пор не вполне ясно сознали нашу истинную особенность, коренящуюся в двух мотивах: главенстве *Христа и Царя*. Все доблестное и великое совершается на Руси Христовым и Царским именем. Этого не хочет понять современная интеллигенция со своею ребяческой конституцией. У ней действительно нет царя в голове». ⁷⁶

«Историю нельзя сочинять, — пишет Фет. — Ее можно только тенденциозно передавать или же беспристрастно к ней присматриваться». Пытаясь определить геополитическое место России, Фет вступает в спор и с западниками и со славянофилами, обнаруживая при этом знакомство с трудом Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». «Нам кажется, что и славянофильская критика впала в однородные с нигилистической ошибки, из коих главнейшею считаем *повальность*. Отыскав для присущего всем народам инстинктивного чувства самобытности и партикуляризма отвлеченное выражение *народность*, даже с несвойственным этому выражению оттенком народовластия, славянофильство предвзято отнеслось ко всему западному и повально стало хвалить все свое. Но так как на пути не к отвлеченному мышлению, а к вопросам самой будничной жизни, — к куску насущного хлеба, — мы не можем спрашивать, откуда пришла вещь, а должны только испытать, хороша ли она, целесообразна ли? — то во избежание ежеминутных недоразумений вынуждены уяснить себе слово „народность“». ⁷⁷

К понятию «народности» — одному из ключевых в идеологических спорах эпохи — Фету приходилось возвращаться неоднократно. В статье «На распутье» он в очередной раз пытается снять с этого понятия идеологические нагрузки, которые прочно срослись с ним в статьях критиков различных лагерей. «Народность не может быть выражени-

⁷⁴ <Фет А. А.> На распутье. Нашим гласным от негласного деревенского жителя. С. 4.

⁷⁵ Там же. С. 5.

⁷⁶ *Деревенский житель* <Фет А. А.>. Наши корни. С. 53.

⁷⁷ <Фет А. А.> На распутье. Нашим гласным от негласного деревенского жителя. С. 6.

ем качеств, свойственных известному народу наряду с другими народами, — пишет Фет, — и тем более общих всему человечеству. В этом случае *народность* была бы ненужным синонимом человечества. Желая говорить о характеристических свойствах медведя, быка, лошади, мы вправе указать на то, что при нападении медведь, употребляя передние когти, невольно становится на задние лапы; бык, приводя в горизонтальное положение рога, склоняет лоб, а лошадь, освобождая для ударов задние ноги, переваливает всю тяжесть тела на передние, или же что, „сколько волка ни корми, он все в лес глядит“. Мы вполне согласны, что искусственно исправлять врожденные приемы упомянутых животных совершенно напрасный труд, так как по такому прогрессивному пути можно дойти до мысли рядом с кошками и собаками держать на сухом пути комнатных осетров. Высказанное нами о смысле слова „народность“ нисколько не мешает наблюдателю признавать те же черты не во всем, конечно, человечестве, чему мешает самое понятие, а в целом культурно-историческом типе».⁷⁸

Ссылаясь на статью некоего китайского военного о Китае и китайцах, опубликованную в «Revue des Deux Mondes», как на источник своих размышлений, Фет приходит к выводу, что «по географическому положению и по основному строю мы Восток». «Славянофилы правы, — пишет Фет, — мы не только одною ногою твердо стоим на Востоке, но волею судеб еще все далее отодвигаем эту ногу к Востоку. Никакие западные моды, никакое обезьянство не в силах искоренить нашего природного склада, выветрить нашей восточной сути. Переставши быть Востоком, мы перестанем быть русскими».⁷⁹ История, по мнению Фета, так близко придвинула нас к Западу, что «для удержания нашего громадного тела в равновесии мы вынуждены нравственно опереться другою ногою на общую европейскую цивилизацию».⁸⁰

При этом критика европейской цивилизации ведется Фетом не предвзято, а с учетом исторических реалий русской жизни. Его интересует не оценочное отношение к иному образу жизни и мыслей, а определение в каждом случае национальной специфики того или иного явления. «Исторические судьбы всего лучше оправдывают наши слова, — констатирует Фет. — Как истина состоит в соответствии понятия о вещи ее сущности, так справедливость состоит в соответственном удовлетворении потребностей каждого. Как по бесконечному количеству вещей является бесконечное число истин, так, по бесчисленности человеческих личностей, справедливость, чтобы оставаться справед-

⁷⁸ <Фет А. А.> На распутье. Нашим гласным от негласного деревенского жителя. С. 6—7.

⁷⁹ Там же. С. 8.

⁸⁰ Там же.

ливостью, вынуждена принимать бесконечные виды. Основывая свои действия на внешнем, прямолинейном равенстве, оно становится законом, составляющим прямую ее противоположность, ибо закон, по своей незыблемости, представляет прокрустово ложе. Ясно, что справедливость между людьми возможна только при семейном начале». ⁸¹

Этот основополагающий принцип вызовет позднее у Фета желание написать специальную статью, посвященную такому важному, но ныне вполне забытому слову, как «тягло». Благодаря одного из своих корреспондентов за указание на это первостепенное для понимания специфики русской жизни понятие, Фет писал: «...слово „тягло“ не есть какое-либо модное и небывалое; оно звучало еще над нашей купелью и только литераторы писали „тысячу душ“, а хозяева между собою говорили 250 тягол». ⁸² Несмотря на то, что сам он не раз писал о семейном начале как основополагающем в понимании отношений крестьянина с землей и даже употреблял слово «тягло», Фет счастлив, что найдено ключевое слово, и пытается как можно точнее определить его содержание: «Как для физиолога важно знакомство с отдельной клеточкой для уразумения всех органических тел, как одна ячейка объясняет все устройство улья, так точно тягло, вследствие указания Вашего, должно послужить основой всей моей статьи <...> По-моему, тягло *есть неделимая экономически-самобытная единица обязательного земледельческого труда*». ⁸³

Российская государственность зиждется, по Фету, на отношении к земле. Еще в 1871 году он заявлял: «Самый заклятый крепостник из развитого общества, на словах, а быть может, и на деле, заявляющий себя исключительно эксплуататором поземельной собственности, носит в душе глубокое убеждение, что помимо коммерческих отношений к окружающей среде на нем лежат нравственные обязанности иного свойства. Сила этого сознания возвела и продолжает возводить Россию на ту степень цивилизации, которой она достигла в течение каких-либо 150 лет». ⁸⁴ Вот почему центральное место в статье «На распутье» занимает глава «Земля как орудие производства».

«Недаром люди, — начинает эту главу Фет, — издревле обращаясь к земле, говорили: земля-кормилица, „arida nutrix“, мать-земля, что со-

⁸¹ Там же. С. 28.

⁸² См.: Переписка Фета с Н. П. Семеновым (1884—1892). С. 647 Письмо от 16 февраля 1886 г. Под «литератором» Фет подразумевает А. Ф. Писемского, автора романа «Тысяча душ» (1858).

⁸³ Там же. С. 647—648. О не дошедшей до нас статье Фета «Наше тягло» см.: Генералова Н. П. 25 лет спустя: Итоги крестьянской реформы 1861 года в переписке А. А. Фета с Н. П. Семеновым. С. 81—88.

⁸⁴ Фет. ССФП. Т. 4. С. 366.

вершенно справедливо, если подумать, что так или сяк мы сами представляем ее видоизменение и во весь период нашей жизни, непосредственно или при посредстве многих передаточных рук и разнородных химических превращений, питаемся ее соком. Чтобы земля вполне соответствовала понятию кормилицы, человеку необходимо непосредственно припадать устами к добровольно предлагаемой пище. Такое припадение возможно только в немногих местностях, где климатические условия и изобилие дикорастущих плодов в течение круглого года это позволяют. <...> а возделывать землю под посев культурных растений уже представляет труд в поте лица. При этом высшем, одному человеку свойственном приеме питания никакое измышление, никакие уловки не спасут от трудового пота. Напрасно люди, незнакомые с делом, мечтают, что со временем земледельческий труд выпадет на долю машин, а управляющие, или люди, будут только прогуливаться и наблюдать за ходом дела. Мы поставили бы таких фантазеров к любой земледельческой машине, чтобы убедить их, что машина сокращает время, а не труд человека».⁸⁵

Как видим, в своих размышлениях о земледелии Фет возвращается к излюбленным мыслям о значении труда как основополагающего фактора цивилизации, хотя это не означает, что автор отрицает роль и значение прогрессивных методов хозяйствования. «...В земледелии, наравне с другими высшими человеческими деятельностями, — утверждает Фет, — труд является основным, главнейшим фактором всего дела».⁸⁶

Именно в этом смысле земля ничем не отличается от всякого другого орудия производства. «По отношению к земледелию она, в случае природной плодородности, играет ту же роль, какую сырая шкура животного занимает по отношению к письменности. Если шкура требует обработки, чтобы стать пергаментом, то земля требует обработки, чтобы стать нивой».⁸⁷ Фет категорически отказывается применять к земледелию, к земле понятие «стихийности», природного дара, пользоваться которым ничего не стоит. Сравнивая землю и другие стихии — воду, огонь и воздух, автор статьи утверждает: «Форма, искусственно придаваемая человеком помянутым стихиям, нисколько не изменяет их сущности, тогда как в земледельческой почве искусственная форма есть самая сущность дела, точно так же, как в лепном произведении скульптуры».⁸⁸

⁸⁵ <Фет А. А.> На распутье. Нашим гласным от негласного деревенского жителя. С. 34.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же. С. 35.

⁸⁸ Там же.

Таким образом, земля в понимании Фета превращается скорее в исходный материал для искусства, в данном случае — искусства земледелия, и оказывается неразрывно связанной с работающим на ней хозяином. Из этого органического единства возникает необходимость прямого и надежного прикрепления человека к земле, но человека не всякого, а способного управляться с предметом владения. Отсюда и предлагаемое Фетом решение, казалось бы, частного вопроса о неразделении поземельной собственности, поскольку деление ее приводит к дроблению и оскудению хозяйств.

Все, что происходит в государстве, любые предпринятые реформы так или иначе должны, по Фету, быть направлены на основную задачу — сохранение и преумножение главного капитала — земли. Вот, например, какова логика рассуждений Фета, когда он обращается к современному судоустройству, предлагая отказаться от суда присяжных и вернуться к институту мировых посредников, которые справились со сложнейшей ролью регулятора в деле размежевания дворянства и крепостного крестьянства в первые пореформенные годы в силу того, что имели полномочия принимать скорые и очевидные решения. Значительная часть тяжб может решаться столь же скоро при сохранении этого института. При этом виновные не будут отрываться от своих непосредственных занятий, то есть от земли.

Главный критерий культурного народа, по Фету, — его отношение к земле. «Долговечностию отличаются только народы, у которых, как у египтян, Нил ежегодно возмещает истощение почвы, или те, которые, подобно немцам, французам, англичанам и китайцам, религиозно наблюдают землю искусственным удобрением, хотя бы приходилось его выписывать из-за моря. В этом заключается главный критерий культурного народа. Тут выбора нет: или при сгущенном населении всеми силами подымать производительность почвы, или беззаветно обдирать ее и бежать на целину, оставляя за собою бесплодную пустыню».⁸⁹

В ходе этих рассуждений, собственно, и встречается слово, давшее название всей статье: «На распутье». Выбор, перед которым стоит Россия спустя более четверти века после отмены крепостного права, все тот же: пойдет ли страна по пути рационального земледелия, основанного на вольнонаемном труде, или будет сохранять такие остатки крепостничества, как общинное владение, обретет ли земля рачительного и экономного хозяина или станет объектом хищнической эксплуатации. «Беспощадно истощая почву общинным владением, — пишет Фет, — мы бежим с истощенных полей куда глаза глядят; а как к куль-

⁸⁹ Там же. С. 45—46.

турному густонаселенному Западу бежать некуда, мы, против исторического течения, бежим на Восток, еще не зная, как примут нас безводные степи. <...> несомненно, что мы стоим на распутье, и странно видеть, что, искусственно наклоня весы с одной стороны, мы усиленно тянем их с противоположной».⁹⁰

Выступать против общины, «этого вредного для земледелия орудия самоуправления», Фету приходилось неоднократно. Даже столь близкий ему по убеждениям человек, как упомянутый Н. П. Семенов, оказался сторонником сохранения этой формы землевладения. Но Фет не уставал вновь и вновь возвращаться к этому вопросу, придавая ему особое значение. «Если мы действительно признаем государственное значение земледелия, — утверждает он в той же статье, — что видно из учреждения дорогостоящих земледельческих школ, приготовляющих деятелей, конечно, не для общинного владения, несовместного с рациональной культурой, а для самостоятельных отдельных хозяйств, то значит, мы за последними признаем жизненную силу и возлагаем на них надежды. В земледельческом, как и во всяком другом хозяйстве, только то имеет прочную будущность, что развивается из собственных средств и в силу естественных условий».⁹¹ Продуманность и осмотрительность действий, упор на экономически выгодные меры, основанные на предварительном опыте, — вот что беспокоит Фета при обсуждении возможных изменений в законодательстве, в образовании, в здравоохранении. Каждый закон, каждое вновь принимаемое решение необходимо взвесить и обсудить публично до того, как оно будет принято. «Пора нам перестать перелаживать жизнь огромного государства по кабинетным и к тому же совершенно ненаучным соображениям, — писал Фет Н. П. Семенову в январе 1885 года, вскоре после публикации статьи «На распутье», — а присматриваться к обстоятельствам, тормозящим ход дела, стараться в действительности устранять эти препятствия».⁹² Рассуждая, к примеру, о медицинской помощи, которой практически лишены сельские жители, Фет пишет: «...в бездорожной стороне можно только играть в культуру, что мы и делаем <...>».⁹³ Как видим, большая часть поднятых и прорабатываемых Фетом вопросов и по сию пору остается на повестке дня.

⁹⁰ <Фет А. А.> На распутье. Нашим гласным от негласного деревенского жителя. С. 46.

⁹¹ Там же.

⁹² См.: Переписка Фета с Н. П. Семеновым (1884—1892). С. 607—608. Письмо от 11 января 1885 г.

⁹³ <Фет А. А.> На распутье. Нашим гласным от негласного деревенского жителя. С. 49.

Одним из немногих единомышленников Фета оказался известный публицист, саратовский помещик Дмитрий Аркадьевич Столыпин (1818–1893), родственник будущего министра внутренних дел П. А. Столыпина. Откликаясь на долгожданный правительственный указ от 13 июля 1889 года «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли...», Фет написал в «Московские ведомости» заметку «По поводу статьи „Семейные участки“». Д. А. Столыпин горячо поддержал мнение Фета, а завязавшаяся переписка привела к совместной публикации брошюры «Сельскохозяйственные очерки» (М., 1889), куда вошли две статьи Фета и одна статья Столыпина: «Несколько слов о бытовом и экономическом устройстве крестьян: по поводу статьи А. А. Фета». Эти публикации были направлены на поддержку правительственного указа и вызвали противодействие в либеральной печати.⁹⁴

Всего полтора десятилетия спустя саратовский губернатор П. А. Столыпин напишет во всеподданнейшем докладе: «Естественным противовесом общинному порядку является единоличная собственность. Она же служит залогом порядка, так как мелкий собственник представляет из себя ту ячейку, на которой покоится устойчивый порядок в государстве».⁹⁵ Говоря об источниках взглядов будущего министра внутренних дел, исследователи называют и труды его родственника Дмитрия Аркадьевича Столыпина.⁹⁶

Публицистика Фета до последнего времени либо замалчивалась, либо подвергалась односторонней критике. К чему, мол, вспоминать статьи, которые нисколько не украсят облик поэта — утонченного лирика, давшего миру нетленные образцы истинной поэзии? К чему ворошить старые, давно забытые споры, когда у нас в руках шедевры, ставящие Фета высоко над суетой мира и перекидывающие прочный мостик «из времени в вечность»? Наконец, что мог сказать Фет об исторических судьбах России, что не было уже сказано его современниками, наделенными даром исторического провидения, такими, как Ф. И. Тютчев, Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, такими могучими

⁹⁴ Подробнее об отношениях Фета и Д. А. Столыпина см.: Черемисина Л. И. 1) А. А. Фет: Земледельческая утопия и реальность. С. 147–148; 2) А. А. Фет и Д. А. Столыпин // Литературное краеведение Поволжья. Межвузовский сб. науч. трудов. Саратов, 1997. Вып. 1. С. 59–67.

⁹⁵ Цит. по: Степанов С. А. Загадки убийства Столыпина. М., 1995. С. 41–42.

⁹⁶ Там же. С. 41. Не исключено, что среди трудов Д. А. Столыпина Петру Аркадьевичу попала и брошюра «Сельскохозяйственные очерки», открывавшаяся двумя статьями Фета. К сожалению, до конца довести реформу сельского хозяйства России, о чем мечтал Фет, Петру Аркадьевичу не удалось. Он скончался 5 сентября 1911 г., через три дня после покушения на него в Киеве.

писателями-мыслителями, как Толстой и Достоевский? Подобное мнение легко опровергается знакомством с публицистическими выступлениями Фета в периодической печати 50–80-х годов. Можно утверждать, что вся литературно-критическая, очерковая, мемуарная проза Фета носит ярко выраженный публицистический характер и занимает значительное место как в его литературном наследии, так и в идейно-эстетической борьбе второй половины XIX столетия.⁹⁷

Огромное творческое наследие Фета сохранилось. Дело настоящих и будущих исследователей опубликовать его целиком и добросовестно осмыслить. И тогда поэту Афанасию Фету не придется «искупать» прозу А. А. Шеншина.

⁹⁷ Прозаическому наследию Фета посвящена содержательная монография: *Черемисинова Л. И.* Проза А. А. Фета. Саратов, 2008.